

УДК 821'01 (38)

О СВОЕОБРАЗИИ ПРОЗАИЧЕСКОГО СТИЛЯ В РОМАНЕ ЛОНГА «ДАФНИС И ХЛОЯ»

© 2012 г.

Л.И. Шевченко

Самарский госуниверситет

V.Lobachev@i-sys.ru

Поступила в редакцию 09.12.2011

Анализируются стилистические приемы прозаических пассажей романа Лонга «Дафнис и Хлоя», в которых выявлен практически весь арсенал риторических приемов, характерных для его опозитированных частей.

Ключевые слова: прозаический стиль, риторическая проза, прием параллелизма и симметрии, звуковая анафора, аллитерация, литературная игра.

Попытка литературных критиков оценить художественную структуру произведения Лонга «Дафнис и Хлоя» и определить его место в мировом литературном процессе в отечественном и зарубежном литературоведении достаточно противоречива и неоднозначна. Как хорошо известно, Гёте дал высокую эстетическую и художественную оценку роману Лонга, снискавшему, по его словам, славу величайшего произведения мировой культуры, и призвал перечитывать его не менее одного раза в год. В то же время среди исследований и критических рассуждений современных Гёте ученых встречаются крайне низкие оценки, согласно которым роман Лонга не представляет ни для кого, кроме узких специалистов, никакого интереса [1, с. 1].

По единодушному утверждению исследователей XX века, Лонгу принадлежит особое место среди греческих романистов. Согласно мнению известного специалиста и переводчика греческих романов А. Н. Егунова, Лонг «переносит мотив разлуки извне вовнутрь, мотивируя своеобразную «разлуку» невинностью героев» [2, с. 41]. Словам отечественного ученого вторит немецкий исследователь Н. Гольцберг, анализирующий структуру романа Лонга: «Хотя в романе не существует никакого путешествия в дальние страны, которое бы совершали оба героя, но точно такими же странствиями по своеобразной области душевного опыта юных сердец, открывающих шаг за шагом телесную любовь <...> являются новые познания, возрастающие с взрослением влюбленной пары: Дафнис и Хлоя предпринимает путешествие не в пространстве, а во времени» [3, с. 111]. Первым, кто обратил внимание на эту особенность в структурном оформлении романа Лонга, когда автор сознательно замедляет физическое сбли-

жение юных героев, был Э. Роде: «Весь роман служит исключительно для того, чтобы изобре-сти внешне замедляющее препятствие к удовлетворению страстного желания любящей пары» [4, с. 549]. Дальнейшие рассуждения Э. Роде, касающиеся уже стилистической оценки романа, представляются нам чрезмерно негативными по отношению к софистической проработке романного стиля «Повести о Дафнисе и Хлое», возможно, predetermined бытующей в то время отрицательной позицией общества к такого рода литературе: «Способ, при помощи которого поэт, – пишет Э. Роде, – разжигает это страстное желание и которое доводит всякий раз только до его крайних пределов, показывает отвратительную, ханжескую изоциренность, которая самым гнусным образом дает нам почувствовать, что вся наивность этого идиллического автора является лишь искусственным порождением софистики, а сам он только софист» [4, с. 539].

В центре внимания современных литературных критиков оказались проблемы самого разнообразного характера: сюжетосложения, характеристики его героев, оценки их психологического состояния. Что касается оценки стилистического своеобразия этого произведения и анализа его поэтики, то, пожалуй, главным достижением в этом плане стало, как мы считаем, выявление двух стилевых тенденций, присущих большинству дошедших до наших дней произведений этого жанра. Это рядом сосуществующие и закономерно друг друга сменяющие, полярно-самостоятельные разновидности поэтического и прозаического стилей, появляющихся с «последовательным постоянством в определенных местах повествования» [5, с. 155]. Анализируя образцы поэтической направленности

этих стилевых тенденций, примеры которых заимствованы из всех пяти известных нам греческих романов, автор этой точки зрения С.В. Полякова блестяще подтверждает мысль о традиционности, полном отсутствии оригинальности и шаблонном характере поэтического стиля греческих романов, исключением из которых роман Лонга не является: «Риторическая проза греческих романистов, – пишет С.В. Полякова, – до такой степени безлика, что невозможным оказывается при сопоставлении образцов отличить друг от друга таких несхожих между собой авторов, как Лонг и Харитон или Ксенофонт и Ахилл Татий» [5, с. 162].

Иначе обстоит дело с эпизодами повествовательного характера, нарративные компоненты которых проявляют стилистическую оригинальность и своеобразие этого рода литературы. Тем не менее многие аспекты в области рассмотрения поэтики древнегреческого романа и прежде всего стилистическое своеобразие прозаических частей этих отдельно взятых образцов позднегреческой прозы, практически остались за пределами внимания исследователей. Роману Лонга «Дафнис и Хлоя» в этом отношении повезло меньше других. Нередко авторы исследований, посвященных этому произведению, при всех достижениях исследовательских методов и широте поставленной перед ними проблематики, затрагивают вопросы стиля мимоходом, довольствуясь утверждением о том, что стилистические средства этого романа в большей части «традиционны и составлены по рекомендации риториков второй софистики: это сравнения, антитезы, эпитеты» [6, с. 157]. Э. Роде более подробно, но всё в том же, присущем ему в отношении Лонга крайне негативном ключе, анализирует его софистические приемы, упрекая этого романиста в «сомнительном пристрастии к асидентичной последовательности в структуре предложения», в использовании «почти доведенных до карикатуры» примеров софистического способа письма и их кокетливом действии» [4, с. 551]. Весьма скромная оценка стилистической манеры романа Лонга дана в фактически программной статье об этом произведении в авторитетном сборнике, посвященном широкому кругу проблем исследования жанра античного романа, автор, которой пишет: «Глубоко искусственный по своей форме, но очень выразительный и изящный, он является любопытным сочетанием архаических и современных приемов прозаического повествования» [7, с. 89–90].

В итоге речь идет об общеизвестных и не нуждающихся в особых доказательствах следу-

ющих положениях критических воззрений на роман Лонга «Дафнис и Хлоя»: это, во-первых, то, что язык и стиль этого произведения полностью являются продуктом софистики («*ganz und sophistisch ist die Sprache und der Stil Longos*») [4, с. 550]. Во-вторых, это параллелизм и симметрия, признаваемые безоговорочными, главными и специфическими чертами не только композиционной структуры сюжета, но и структуры предложения, отдельной фразы или фрагмента романного текста. Связанные с риторической художественной прозой и восходящие к горгианским фигурам, эти приемы используются для повышения психологического воздействия и поэтической выразительности повествования. Наконец, следует отметить также критически оговоренную Э. Роде и восходящую к риторическому стилю представителей второй софистики Элиану, Филострату и другим, стилистическую манеру простоты «*ἀφ'ελέια*», которую немецкий теоретик именуется в данном случае «нарядной». Изящному колориту этой «нарядной простоты» содействует, согласно словам Э. Роде, лексический словарь, чрезмерно изобилующий приемами софистической речи, результатом чего является ошибка, которую античная теория расценивает как «*κακόζηλον*», т. е. отсутствие меры [4, с. 531 – 534].

Спустя столетия после появления столь резкого осуждения риторических приемов в романе Лонга германским патриархом в области изучения античного романа, в России предпринимается иная попытка объяснить наивную простоту повествовательного стиля этого произведения. Это точка зрения С.Я. Лурье, усматривающего поразительное отличие произведения Лонга от других греческих романов в том, что Лонг «не удовольствовался простым комбинированием александрийской пасторали с позднегреческим романом, а освежил свой труд заимствованием из вечно живой сокровищницы народного творчества, т.е. сознательно пошел по пути народничества в литературе» [8, с. 25]. Речь идет о фольклорном воздействии на роман Лонга. С.Я. Лурье выделяет в тексте этого произведения повторение одинаковых слов, особенно заметное в конце одного предложения и начале следующего, иллюстрируя этот прием, получивший название от греческого слова *ρίψ* – «плетёнка» примерами из русской народной сказки, типа *режу, режу, крови нету, еду, еду, не доеду*, или *скоро сказка сказывается...* и т.д. [8, с. 1]. Примеры такого рода «плетенки» в романе Лонга многочисленны. Ограничимся в качестве образца фрагментом первой книги романа [I.10]:

Καὶ πολλάκις μὲν Δάφνις τῶν προβάτων τὰ ἀποπλανώμενα συνέστελλε, πολλάκις δὲ ἡ Χλόη τὰς θραυστέρας τῶν αἰγῶν ἀπὸ τῶν κρημνῶν κατήλαυνε. Ἦδη δὲ τις καὶ τὰς ἀγέλας ἀμφοτέρας ἐφρούρησε, θατέρου προσλιπαρήσαντος ἀθύρματι. Ἀθύρματα δ' ἦν αὐτοῖς ποιμενικὰ καὶ παιδικὰ [9, с. 133–134].

В этом, совершенно простом, на первый взгляд, повествовательном отрывке речь идет о том, что часто Дафнис и Хлоя пасут свои стада раздельно, но иногда они попеременно смотрят за козами и овцами, в то время как тот, кто освободился от своих обязанностей, с увлечением предается игре (ἀθύρματι). С этого же слова начинается следующее предложение – Ἀθύρματα δ' ἦν αὐτοῖς ποιμενικὰ καὶ παιδικὰ – *Игры же были у них пастушеские и детские* (Здесь и далее перевод цитируемых фрагментов текста автора статьи. – Л.Ш.). Что касается примеров с простым повторением одинаковых слов, приема, чрезвычайно популярного у Лонга: [I.8] τροφαῖς ἔτρεφον – *пищей питали*; [I.12] ἐδίωκε τὸ διώκοντα – *преследовал преследующего, μηδὲν πίων μηδὲ φαγῶν – не пивши, не евши*, то в романе Лонга указанные словесные дублеты имеют только внешнее, игровое оформление в виде оговоренных ранее «плетенок» и не предполагают никакого функционального предназначения, свойственного фольклорным образцам, указывающим на трудность, безрезультативность или длительность действия. Таким образом, справедливее, как нам представляется, в данном случае говорить о звуковой анафоре, используемой для усиления параллелизма.

Ещё более убедительны примеры, в которых повтор одних и тех же слов усилен приемом аллитерации и двойного толкования лексического значения этих слов. Наиболее показательным является эпизод, в котором речь идет о разговоре Филета и Эрота: Ἐμοὶ μὲν, ὦ Φιλητᾶ, φιλησαί σε φθόνος οὐδεὶς βούλομαι γὰρ φιλεῖσθαι μᾶλλον ἢ σὺ γενέσθαι νέος – *О Филет, с моей стороны любить тебя нет никакого препятствия, ибо хочу я быть любимым больше, чем ты стать молодым* [III.5]. Примечательно, что глагол φιλέω, кроме значения «любить», переводится как «целовать», чем весьма удачно воспользовался С.П. Кондратьев, переводчик этого романа на русский язык: *Не трудно мне, Филет, – любви любитель, тебя любить и целовать. Ведь целоваться хочу я больше, чем ты – стать снова юным* [III. 51].

Предпринятый нами анализ прозаических отрывков, не связанных с поэтическими пассажами романа, в которых речь идет о развитии действия, а также сообщаются наиболее динамичные моменты и детали повествования, показывает, что и в этих разделах «Повести о Дафнисе и Хлоя» присутствует практически весь арсенал риторических приемов, которые в равной степени характеризуют её опозитизированные части. Сопоставим для убедительности два отрывка, в одном из которых описываются чувства зарождающейся любви у Хлои после того, как она увидела купающегося Дафниса [I. 13], во втором представлен комически – бытовой эпизод с собакой, укравшей со стола кусок мяса в доме Дриаса [III. 7]:

I. 13

Ἐπεισε δ' αὐτὸν καὶ λούσασθαι πάλιν, καὶ λουόμενον εἶδε, καὶ ἰδοῦσα ἤψατο, καὶ ἀπῆλθε πάλιν ἐπαινέσασα, καὶ ὁ ἔπαινος ἦν ἔρωτος ἀρχή.

Убедила она его и купаться снова, и купающегося увидела, и, увидавши, к нему прикоснулась и ушла опять восхищенная, и восхищение это было любви началом.

III. 7

Περὶ τράπεζαν εἶχον οἱ ἀμφὶ τὸν Δρύαντα κρέα διήρητο, ἄρτοι παρετίθεντο, κρατὴρ ἐκίονατο. Εἰς δὴ κύων τῶν προβατευτικῶν ἀμέλειαν φυλάξας, κρέας ἀρπάσας ἐφυγε διὰ θυρῶν

За столом были Дриас и его домашние: мясо поделили, хлеб положили, crater с вином водой разбавили. И вдруг одна из собак, стада стороживших, воспользовавшись беспечностью и мясо схватив, убежала через дверь.

В обоих фрагментах присутствуют характерные для риторического стиля приемы: гомотелевты, т.е. созвучия окончаний, аллитерация, исоколия, представляющая собой ошутимое равновесие колонов речи и особое расположение членов предложения.

Аналогичный набор приемов античной риторики в равной степени характеризует как неоднократно повторяющиеся в сюжете романа эпизоды, повествующие о помощи, которую Хлоя оказывает Дафнису в непредвиденных для него обстоятельствах, так и один из ключевых моментов романа, сцену с Ликенион:

I. 32

Μετὰ δὲ τὸν τοῦ Δόρκωνος τάφον, λούει τὸν Δάφνιν ἡ Χλόη πρὸς τὰς Νύμφας ἀγαγοῦσα. Καὶ αὐτὴ τότε πρῶτον Δάφνιδος ὄρωντος, ἐλούσατο τὸ κάλλους καὶ οὐδὲ λουτρῶν ἐς κάλλος δεόμενον

После погребения Доркона омывает Дафниса Хлоя и к нимфам, введя в пещеру, приводит. И она тогда впервые на глазах у Дафниса омыла тело свое белое и безукоризненное в отношении красоты и ни в каком омовении не нуждающееся.

III. 15

Συναλγήσασα δὴ τοῖς ἀθλίοις καὶ καιρὸν ἤκειν νομίσασα διττόν, τὸν μὲν εἰς τὴν ἐκείνων σωτηρίαν, τὸν δ' εἰς τὴν ἑαυτῆς ἐπιθυμίαν, ἐπιτεχνᾶται τι τοῖόνδε

Посочувствовав несчастным и посчитав, что наступил удобный момент для двойного дела, им избавление от мук дать и себя от страстного желания избавить, она задумывает нечто такое

При описании пастушеской жизни и эпизодов, связанных с пастухами и окружающей их природой, автор романа также не отказывается от возвышенного пафоса риторики даже тогда, когда его персонажи совершают недостойные поступки или выражают корыстные намерения. Таков Доркон в первой главе книги, задумавший силой и хитростью овладеть Хлоей [1, 20], а также небескорыстные рассуждения её матери Напы о выгодном и скорейшем замужестве своей приемной дочери [III, 25]:

Δευτέρας δὴ διαμαρτῶν ὁ Δόρκων ἐλπίδος καὶ μάτην τυροὺς ἀγαθοὺς ἀπολέσας ἔγνω διὰ χειρῶν ἐπιθέσθαι τῇ Χλόῃ μόνη γενομένη·

Вторично претерпев крах надежды и напрасно прекрасные сыры потеряв, Доркон решил силой овладеть Хлоей, когда она будет одна.

Ἡ μὲν οὖν Νάπη ταῖς ἐλπίσιν ἐπαιρομένη συνεβούλευεν ἐκδιδόναι τὴν Χλόην μηδὲ κατέχειν οἴκοι πρὸς πλεόν τηλικαύτην κόρην, ἣ τάχα μικρὸν ὕστερον νέμουσα τὴν παρθενίαν ἀπολέσει καὶ ἄνδρα ποιήσεται τίνα τῶν ποιμένων ἐπὶ μήλοισ ἢ ῥόδοις

И вот Напа, надеждами прельстившись, намеревается выдать Хлою замуж и не держать дольше в доме такого возраста девушку, опасаясь, что в скором времени, пася свое стадо, она потеряет себя, отдавшись за несколько яблок или роз кому-нибудь из пастухов.

Насколько можно заключить из текста даже этих коротких отрывков, чрезвычайно важным, организующим приемом поэтической прозы романа Лонга становится аллитерация, подтверждением чего является избыточное наличие согласных δ в первом и π во втором примере.

Несмотря на прозаически-бытовой характер размышлений обоих персонажей, для того и другого фрагмента характерны и особая структура в построении фраз, и определенная риторическая проработка.

Приведенные примеры, количество которых при необходимости может быть многократно увеличено, демонстрируют правоту Э. Роде относительно явной зависимости Лонга от софистического влияния и риторической украшенности даже тех частей романного текста, которые в прочих прозаических жанрах такому воздействию не подвергаются. Однако было бы несправедливо вслед за Э. Роде видеть в этой тенденции Лонга только отрицательные свойства, не замечая при этом сознательной, изящной игры автора, в которую он ввергает своих героев, о чем ещё раз свидетельствуют заключительные слова романа [IV.40]: Καὶ τότε Χλόη πρῶτον ἔμαθεν, ὅτι τὰ ἐπὶ τῆς ὕλης γενόμενα ἦν ποιμένων παίγνια – и только тогда Хлоя впервые узнала, что происходившее в лесу было лишь пастушеской игрой. Другими словами, речь, несомненно, идет о литературной игре, которую Лонг провоцирует для своих читателей, способных в эту игру включиться и должным образом ее оценить.

Список литературы

1. Лурье С.Я. Античная новелла и роман / СПФ АРАН (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН). Ф. 976. Оп. 1. Д. 106. Античная новелла и роман. Лекция. 32 л.
2. Егунов А.Н. Гелиодор и греческий роман // Гелиодор. Эфиопика. М.–Л.: Academia, 1932. 496 с.
3. Holzberg N. Der antike Roman. München und Zürich: Artemis Einführungen, 1986. 135 s.
4. Rohde E. Der griechische Roman und seine Vorläufer. Akademie – Verlag – Berlin: 1960. 636 s.
5. Полякова С.В. К вопросу о стилевых особенностях греческого романа // Язык и стиль античных писателей. Л., 1966. С. 155–162.
6. Попова Т.В. Буколика и некоторые жанры второй софистики в композиции греческих романов: традиционное в новом и новое в традиционном // Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы. М., 1989. С.144–185.
7. Беркова Е.А. Буколический роман Лонга // Античный роман. М., 1969. С. 75–91.
8. Лурье С.Я. Дафнис и Хлоя / СПФ АРАН (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН). Ф. 976. Оп. 1. Д. 107. Дафнис и Хлоя. Доклад. 32 л.
9. Longus / Erotici scriptores ed. G.A. Hirschig, Parisiis, 1885. P. 131–179
10. Кондратьев С.П. Лонг и его произведение // Лонг. Дафнис и Хлоя. Вст. ст., пер. и коммент. С.П. Кондратьева. М.–Л., 1935. С.VII–XXI.

**ON THE PECULIARITY OF THE PROSE STYLE IN LONGUS' NOVEL
«DAPHNIS AND CHLOE»**

L.I. Shevchenko

The paper analyses the stylistic devices of the prose passages in Longus' novel "Daphnis and Chloe" that display almost the entire arsenal of rhetorical devices characteristic of the novel's poeticized parts.

Keywords: prose style, rhetorical prose, devices of parallelism and symmetry, sound anaphora, alliteration, literary game.